

народовъ и человѣчества,—какъ произведеніе свободной или не-свободной дѣятельности людей? Вотъ вопросъ исторіи.“¹⁾

Этимъ вопросомъ мы поставлены Толстымъ въ самую, такъ сказать, гущу задачи. Человѣкъ и человѣчество, личная дѣятельность и безличный процессъ, теза и антитеза—гдѣ синтезъ? Такъ уже давно выявляется намъ историческая проблема. Такъ же ставится этотъ вопросъ и Толстымъ.

Прежде всего историческій процессъ: „Движеніе человѣчества... совершается непрерывно“, „нѣтъ и не можетъ быть начала никакого события, а всегда одно событие непрерывно вытекаетъ изъ другого“²⁾. „Какъ въ часахъ, результатъ сложнаго движенія безчисленныхъ различныхъ колесъ и блоковъ есть только медленное и уравнѣнное движеніе стрѣлки, указывающей время; такъ и результатомъ всѣхъ сложныхъ человѣческихъ движений...—всѣхъ страстей, желаній, раскаяній, порывовъ, гордости, страха, восторга... было только медленное передвиженіе всемирно-исторической стрѣлки на циферблатѣ исторіи человѣчества“³⁾. Вы видите передъ собой отвлеченный, механическій процессъ человѣческой исторіи, по роковому циферблату которой мы читаемъ наши судьбы. Это закономѣрный, пока неизвѣстно къмъ заведенный, на какихъ пружинахъ дѣйствующій механизмъ. „Скучиша неприличнѣйшая!“, какъ сказалъ бы чортъ у Достоевскаго. Въ этомъ математически-размѣренномъ коловоращеніи „допущеніе начала какого-нибудь явленія“, по мнѣнію Толстого, „олжно само по себѣ“. Сравненіе историческаго процесса съ математически-ростущими функциями заставило его забыть объ извѣстномъ математикамъ „перерывѣ непрерывности“: начало событий связывается съ бесконечностью прошлаго, поэтому его вообще нѣтъ. Ясно, что начало историческаго события хронометрически или даже календарно установить нельзя, но все же оно можетъ быть отнесено къ болѣе или менѣе опредѣленной эпохѣ, когда явленіе данного порядка проявляется сильнѣе всего. Выводить изъ непрерывности историческаго процесса отсутствіе начала историческаго события такъ же неправильно, какъ утверждать, что нельзя отличить зеленаго цвѣта отъ голубого только потому, что въ спектрѣ имѣется тысяча оттенковъ между этими двумя цвѣтами.

Но сравненіе съ математикой продолжается и дальше, когда мы переходимъ къ вопросу о причинахъ историческаго движенія. Толстой ставитъ вопросъ „какова причина историческаго движе-

1) „Война и Миръ“, т. IV, стр. 400. Цитирую по московск. изд.

2) Ibid., т. IV, стр. 327.

3) Ibid., т. I, стр. 375.